

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ КАК НАРРАТИВ И ТЕКСТОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПАЦИЕНТА

Филипп Робертович Филатов

кандидат психологических наук, доцент Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: filatov_filipp@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9384-8323

Аннотация. В статье одна из разновидностей клинической истории, психоаналитический случай (кейс), рассматривается как особый нарративный жанр, сложившийся в дискурсивной практике психоанализа на стыке медицины и литературы под влиянием классических работ З. Фрейда. В свете нарративного подхода автор статьи пытается ответить на вопрос, как, согласно каким принципам строится повествование в рамках психоаналитических случаев. Проясняются функции кейсов-нарративов, отмечается, что эти формы повествования на практике служат образцами, помогающими понять и структурировать опыт диалогического взаимодействия аналитика с его пациентом (анализантом). Одновременно кейс-нарратив – это средство профессиональной самоидентификации, самопрезентации и позиционирования практикующего специалиста в его коллегиальной среде, способ поддерживать и укреплять чувство принадлежности к психоаналитическому сообществу. По мнению автора статьи, психоаналитическая теория также имеет нарративную основу, причем крайне разнородную. За любым теоретическим конструктом классического психоанализа обнаруживается один ключевой и целая серия вспомогательных нарративов; это не только клинические истории, но и мифы, литературные произведения, психобиографии выдающихся личностей. *По содержанию* психоаналитический случай – это всегда эпистемологическое повествование, история о самопознании и взаимопознании, по структуре – это двойной нарратив, объединяющий два соотнесенных друг с другом рассказа: сырой, или первичный, составленный со слов анализанта и его родственников, и переработанный, или вторичный, сложившийся в результате проведенного анализа и включающий динамику преобразующих психотерапевтических отношений. В статье отмечается и такая отличительная особенность повествования в кейсе, как использование встроенных нарративов, в качестве каковых выступают сновидения или фантазии анализанта. Автор статьи также задается вопросом, что происходит, когда анализант в нарративном пространстве кейса становится персонажем своего психоаналитика и как можно охарактеризовать репрезентацию личности пациента в тексте психоаналитического случая.

Ключевые слова: психоанализ, нарратология, нарратив, психоаналитический случай (кейс), аналитик, анализант, текстовая репрезентация пациента (анализанта), З. Фрейд

Заголовок этой статьи мог бы использоваться для обозначения довольно обширной рубрики исследований на границе психоанализа и нарратологии. Причем речь в данном случае идет не о психоаналитическом искусстве истолкования всевозможных историй и не о том, как принципы такого истолкования оказались востребованы за пределами психоаналитического дискурса, прежде всего в литературоведении. Со времени публикации (1907) работы З. Фрейда «Бред и сны в “Градиве” В. Йенсена» [Градива] написано необозримое количество критических статей о том, насколько плодотворным или, напротив, ограниченным оказывается применение психоаналитического инструментария к различным литературным текстам или медиасообщениям, насколько допустимо и методологически оправдано приглашать «на кушетку» Льва Толстого или других рассказчиков и их персонажей [Ранкур-Лаферрьер]. Однако психоанализ не только интерпретирует нарративы, но и продуцирует

их. Именно в психоанализе сложился особый *нарративный жанр*¹ – аналитический случай или кейс [Мак-Вильямс], персонажем которого выступает пациент (он же анализант), автором – психоаналитик, а фабулу составляет динамика взаимоотношений первого и второго в рамках так называемого рабочего альянса. Этот жанр к концу XX в. прочно вошел в литературу и вполне респектабельно обосновался в ней.

На исходе жизни в интервью Джованни Папини (1934) Зигмунд Фрейд признался, что стал «ученым по необходимости, а не по призванию», и даже прямо заявил, что считает себя «прирожденным художником» (читай – рассказчиком):

«...мои книги в большей мере напоминают художественные произведения, чем научные труды по патологии... Мне удалось обходным путем прийти к своей цели и осуществить мечту – остаться писателем, сохраняя видимость, что я являюсь врачом» [Хиллман: 5].

¹ См. подробнее: Хиллман Дж. Исцеляющий вымысел [Хиллман]. Согласно Хиллману, в результате метаний между медициной и литературой «Фрейд изобретал некий литературный жанр, то средство, которое позволило ему познакомить мир с его новым видением» [Там же: 7]. «...Психоанализ мог продвинуться в мире медицины дальше только тогда, когда для него нашлась форма рассказа, способная передать если не суть, то убедительность эмпирической медицины. Фрейд объединил обе традиции, поскольку одновременно занимался и литературой, и историями болезни. С тех пор в истории психоанализа они идут нераздельно, так как наши описания заболеваний являются одним из способов написания литературных произведений» [Там же: 7–8]. «В дилеммах между историей и беллетристикой, между внешним и внутренним Фрейд искусно достигает компромисса, который становится его стилем изложения историй болезни и нашим новым жанром психотерапевтической литературы» [Там же: 10].

Позднее нашлись те, кто продолжил и развил эту основанную Фрейдом нарративную традицию – создавать особый род литературы, рассказывая истории о пациентах. Они воспользовались предложенными Фрейдом нарративными методами и приемами и предложили свои собственные. Литературные наследники Фрейда обнаружили как в стане психотерапевтов, так и среди профессиональных прозаиков. С одной стороны, это американский экзистенциальный психолог Ирвин Ялом, прославившийся романами-кейсами «Когда Ницше плакал», «Шопенгауэр как лекарство», «Лжец на кушетке» и написавший сборник психотерапевтических новелл «Палач любви» (“Love’s Executioner”, в русском, смягчающе-неточном переводе «Лечение от любви»). С другой стороны – английский писатель Дональд Майкл Томас, автор написанных в стилистике клинических историй романов «Белый отель» и «Вкусная Павлову». Иными словами, если в зоне герменевтики, психоанализ, покинув клиническую сферу, смыкается с философией, то в зоне нарратологии – перерастает или врастает в литературу.

В этой статье мы попытаемся понять, как строится повествование в рамках психоаналитических случаев, классические образцы которых принадлежат перу З. Фрейда. Это позволит нам, в свою очередь, ответить на вопрос, что происходит с пациентом, когда он перемещается из психоаналитического

кабинета в психоаналитический нарратив (кейс) и становится литературным персонажем своего психоаналитика.

Нарратология [Барт; Брокмейер, Харре; Качанов; Троцук; Шейгал; Яковлев; Fisher; Huisman, Murphet, Dunn] позволяет исследовать дискурсивную практику психоанализа, выходя за границы его понятийного поля, подобно тому как психоаналитики изучают феномены культуры и литературные тексты, дистанцируясь от различных школ эстетики и литературной критики. В свете методологического подхода, который У. Фишер назвал «нарративной парадигмой» [Fisher], можно постулировать, что психоанализ, как и любая другая система знания, регулярно использует в своей практике определенные повествовательные формы, стратегии и приемы [Frie]. Подобно тому как историки, согласно Х. Уайту [Уайт], сочиняют «рассказы» с целью сделать более убедительными и правдоподобными описания прошлых событий, так и психоаналитики прибегают к созданию особых нарративов – клинических кейсов, чтобы не просто проиллюстрировать ключевые тезисы своих теорий, но и обеспечить их легитимацию; логическая связность концептуальных построений подкрепляется повествовательным мастерством при описании конкретных аналитических случаев.

Рассказ, повествование, предание – один из наиболее древних способов трансляции знания, действенный и в мире современной

науки. В последние десятилетия понятийный конструкт «нарратив», емкий, многоаспектный, эвристичный и вместе с тем размытый, сделался объяснительным принципом, широко применимым в самых разных гуманитарных дисциплинах и исследовательских контекстах (литература, масс-медиа, политический дискурс, кинематограф, история, когнитивная психология, психотерапия); поэтому в каждом конкретном случае требуется его четкое определение. По мнению И. Брокмейер и Р. Харре,

«отправной точкой нового интереса к нарративу в гуманитарных науках является, по-видимому, „открытие“ в 1980-х годах того, что повествовательная форма – и устная, и письменная – составляет психологическую, лингвистическую, культурологическую и философскую основу наших попыток прийти к соглашению с природой и условиями существования» [Брокмейер, Харре: 30].

Нарратив понимается как «способ структурирования и презентации жизненного опыта» [Huisman et al.]; «способ структурной организации дискурсивных практик» [Яковлев]; форма языковой фиксации и трансляции человеческой *памяти*, способ обретения человеком идентичности и форма объективации субъективности рассказчика [Троцук] и т. д.

«Нарративы играют роль линз, сквозь которые независимые элементы существования рассматри-

ваются как связанные части целого. Они задают параметры повседневного и определяют правила и способы идентификации объектов, которые подлежат включению в дискурсивное пространство» [Шейгал: 87].

Согласно К.Дж. Джерджену, нарративы выполняют важную функцию в конструировании социальных отношений [Джерджен]; именно посредством всевозможных нарративов складываются представления о том, что есть благо, что такое долг, что истинно и что ложно, что имеет ценность, – представления, которыми люди руководствуются в своих повседневных коммуникациях.

Итак, емкое понятие нарратива вбирает в себя множество взаимодополняющих определений. Очевидно, что это не сама история, но способ рассказать ее, или набор приемов, базовых элементов, правил и стилистических ухищрений, посредством которых строится то или иное повествование. И. Брокмейер и Р. Харре предложили расширительное толкование нарратива как «ряда инструкций и норм в различных практиках коммуникации, упорядочивания, придания смысла опытам, становления знания...»; предельно обобщенно, это «конденсированный ряд правил, включающих в себя то, что является согласованным и успешно действующим в рамках данной культуры» [Брокмейер, Харре: 36]. Эти правила, нормы и инструкции позволяют «интегрировать тот

или иной индивидуальный случай в некий обобщенный и культурно установленный канон» [Троцук: 43]. Иными словами, одна из функций нарратива состоит в соотношении индивидуально-личностного, уникального с общезначимым; и мы можем видеть, как эта функция реализуется в психоаналитическом нарративе, где индивидуальное невротическое страдание анализанта оказывается психологически понятным образом соотносено с софокловой трагедией о фиванском царе Эдипе. История злополучного сына Лая и Иокасты служит в психоанализе обобщенным прообразом (прототипом) всех частных историй, поскольку содержит их общую смысловую основу и может использоваться как метафорический ключ к их пониманию.

Психоаналитический нарратив подходит под определение И. Брокмейера и Р. Харре [Брокмейер, Харре: 36], так как составляется согласно четко прописанным / предписанным нарративным правилам и инструкциям и при этом предполагает стилистическое многообразие (т. е. стандартизирован в гораздо меньшей степени, чем медицинские истории болезни). Ценнейшая для практикующих специалистов книга Нэнси Мак-Вильямс «Формулирование аналитического случая» [Мак-Вильямс] содержит набор таких четких инструкций по составлению кейса. В ней профессионально подкованному читателю транслируются не только концепции, которыми следует руководство-

ваться в работе с пациентом, но и *последовательность* психотерапевтических процедур, определяющая последовательность поведения в кейсе, его композицию, а также совокупность параметров оценки психотерапевтического процесса, на основе которой будет выстраиваться его описание. Так четкая структура первичного интервью позволяет с такой же четкостью выстроить завязку аналитического случая; умение отследить пиковые и переломные моменты психотерапевтического взаимодействия, катартические эффекты и инсайты обеспечивает поведению кульминацию, а понимание, когда и как следует заканчивать психотерапию, гарантирует развязку. В то же время отклонения от этих схем, несовпадения с ожидаемыми результатами делают текст аналитического случая интригующим и полемичным.

Наряду с упорядочиванием опыта, типизацией, привнесением логической связности и последовательности, соотношением уникально-личностного с общезначимым, нарратив выполняет еще одну важную функцию – обеспечение процессов идентификации и поддержание идентичности [Котова; Троцук]. Психоаналитические нарративы выполняют эту функцию не по отношению к пациентам, которые, выступая их персонажами, редко их читают; кейс-нарратив служит одним из средств профессиональной самоидентификации пишущего его нарратора – психоаналитика. Публикация случая

или его представление в супервизорской группе обеспечивает автору чувство профессиональной самотождественности и принадлежности к психоаналитическому сообществу; это визитная карточка и пропуск в содружество равных. Наконец, предъявление собственного аналитического случая коллегам-экспертам – не что иное, как форма профессионального самораскрытия и самопредъявления, предполагающая использование определенных речевых стратегий, риторических ходов и стилистических приемов, фигур речи и фигур умолчания.

Различные формы повествования используются в психоанализе не только в практике написания кейсов, но и при построении основополагающих теоретических конструкций. Так называемый «нарративный поворот», наметившийся в социальных науках в 1980-е гг., привел к постулированию «нарративной природы» знаний, получаемых в самых разных областях [Троцук: 41]. Эти области разграничиваются в зависимости от того, какую судьбу претерпевают в них нарративы: «в медицине, праве, истории, историографии, антропологии и психотерапии нарративы составляют продукты научной деятельности; в философии, культурологии, теологии – скорее поглощаются и перемалываются в аналитических жерновах» [Franzosi: 518]. В психоанализе, в силу его «особого положения» в системе наук (между медициной и философией, наукой и литературой), на-

блюдается как продуцирование нарративов, так и их перемалывание в жерновах метапсихологической теории.

На основе переработанных клинических, литературных, мифологических нарративов в психоаналитическом дискурсе кристаллизуются опорные теоретические конструкты – либидо, Эдипов комплекс, Оно, Я и Сверх-Я, вытеснение, сопротивление, сублимация и др. Практически за любым психоаналитическим термином обнаруживается один ключевой и целая серия вспомогательных нарративов; если бы мы решили составить их полный каталог, то он получился бы крайне разношерстным. В него вошли бы трагедия Софокла «Царь Эдип» и диалог Платона о природе Эроса «Пир», антропологический миф о первобытной орде и доисторическом отцеубийстве, «Градива» В. Йенсена и новеллы Стефана Цвейга, беллетризованные клинические истории Анны О. и Доры, случай маленького Ганса и символизирующее первосцену сновидение с волками, психобиографии Леонардо да Винчи и Ф.М. Достоевского и многое-многое другое. Вырастая из разнородных нарративов и укореняясь как в дискурсивной практике психотерапии, так и в обыденном сознании, теоретические конструкты психоанализа продолжают обрастать все новыми, питающими их нарративами, которые поставляют не только пациенты, но и писатели, кинематографисты, антропологи, специалисты в области психоистории и другие нарраторы.

Психоаналитический нарратив – это всегда рассказ о самопознании и взаимопознании, т. е. *эпистемологическое повествование*. Независимо от стилистики и теоретической позиции автора, в описании того или иного психоаналитического случая выявляется мотив *обретения исцеляющего знания*, которое становится возможным благодаря регулярному и дисциплинированному диалогу с другим лицом – психоаналитиком – и переживается пациентом (анализантом) как мучительная драма. Иными словами, речь всегда идет о *самопознании посредством диалога и страдания*. Поскольку исцеляющее знание о самом себе представляет собой знание особого рода, несводимое к научным представлениям и объяснительным схемам, для его обретения требуются особые познавательные процедуры и стратегии. Они-то и образуют подразумеваемый контекст любого психоаналитического повествования. Чтобы правильно прочесть и понять психоаналитический кейс, важно помнить, что психоанализ конструирует новые принципы и способы порождения знания. Ими в свою очередь определяются специфические способы конструирования научных текстов и легитимирующих их нарративов (кейсов).

Фрейд со всей ясностью понимал, что существует разрыв между психикой, как таковой, объективированной в виде модели или теоретической конструкции, и психической реальностью того, кто лежит на кушетке, по-

груженный в свои переживания, грезы и ассоциации. Эта двойственность присутствует и подразумевается в психоанализе постоянно: с одной стороны, психический аппарат, описанный с помощью трехкомпонентной структурной схемы, с другой – душа, которую, конечно, нельзя рассказать, но которая нуждается в проникновенном рассказе – исповеди.

В психоанализе, начиная с первых работ Фрейда, происходит сближение эмпирического факта, на который ориентирована классическая наука, с индивидуальным смыслом: здесь весомо и эвристично лишь то, что личностно значимо для конкретного лица – анализанта; иными словами, достоверность познаваемого неотделима от субъективной значимости, причем эта значимость самим анализантом изначально не осознается [Филатов 2016: 211].

Так желание и травма в качестве эмпирических фактов распознаются аналитиком по сгущениям, хитросплетениям и разрывам чувственной и смысловой ткани субъективного опыта анализанта, где, точно в тексте, красноречиво как само означающее, так и его отсутствие, искажение, замена. Значимое становится достоверно значимым, когда его осознание встречает сопротивление. Преодоление этого сопротивления и дарует анализанту его выстраданную и осознанно прожитую «правду» [Там же]; соответственно мотив преодоления представляет

собой основную драматическую коллизию психоаналитического нарратива. Эмпирическим доказательством здесь служат инсайт и катарсис анализанта, так что аналитик не может довольствоваться исключительно собственной проницательностью, подобно врачу, определяющему облик болезни по ее объективным клиническим признакам. В анализе познающий субъект добивается прироста знания, лишь заручившись восприимчивостью и осмысленностью познаваемого субъекта. Сюжет любого психоаналитического кейса составляют перипетии взаимодействия и взаимопознания этих двух субъектов, а также динамика преодоления неизбежного сопротивления на пути к новому, исцеляющему знанию души или пониманию самого себя.

Вероятно, ни в одной другой научной дисциплине до Фрейда субъективность и субъектность познающего (в нашем случае, аналитика) не приобретала такого значения, не становилась столь весомым динамическим фактором и проблемой, как это было отражено в концепции переноса-контрпереноса. И, пожалуй, нигде раньше так не проявлялась *обратимость отношений «познающий – познаваемый»*: аналитик в контрпереносе становится потенциально анализируемым, он сам нуждается в другом познающем, в анализе и супервизии. Более того, психоанализ открывает *новый тип познающего субъекта*, уже не способного в полной мере объективи-

ровать (вынести за пределы своего субъективного мира) познаваемое и нуждающегося для понимания себя в диалоге, т. е. фактически в отношении к другой субъектности [Филатов 2016: 212]. Глубокая вовлеченность в процесс взаимопознания и диалога делает психоаналитика одновременно автором и персонажем кейса. Такое совпадение позиций автора и персонажа, познающего и познаваемого особенно наглядно в случае самоанализа З. Фрейда [Дидье], который стал для психоаналитиков разных стран, эпох и поколений эталонным нарративом.

Переосмысление двух ключевых категорий западной новоевропейской философии – сознания и смысла – имело решающее значение как для теории психоанализа, так и для его нарративной практики [Филатов 2016: 212]. Фрейд исходил из убеждения, что сознание не является непосредственной данностью человеческого существования и главным творцом нашей жизненной истории. Осознанность – не отправной пункт, а лишь то, что может быть достигнуто в определенной степени при определенных условиях. Или, как это точно сформулировал П. Рикёр в «Конфликте интерпретаций»: «Все, что мы после Фрейда можем говорить о сознании, заключено в следующей формулировке: сознание является не источником, а задачей» [Рикёр: 156]. И далее: «Сознание – это движение, которое постоянно отвергает собственную исходную точку и только в конце обретает веру в себя» [Там же].

Анализант в психоаналитическом нарративе разлучен со своим сознанием, понимаемым как жизнь «со знанием» – тем знанием о себе, которого ему как раз недостает и на конструирование которого нацелен анализ. Анализант осознает происходящее вокруг него, но не знает себя и, прежде всего, не распознает в себе то, что подспудно определяет его психологическую судьбу. Он обретает новое сознание себя вместе со знанием, которому всячески противится. Его сознание переопределяется тем, что для него же изначально неприемлемо и травматично.

По-новому артикулирована в психоанализе и проблема смысла: смысл не гарантирован, не задан наличной структурой языка и актуальным культурным контекстом; он не извлекается в готовом виде посредством специального ключа – кода, но представляет собой явление процессуальное, постепенно проступая в ходе взаимодействия сначала сознания и бессознательного (сновидение, греза, творчество), затем – аналитика и анализанта (интерпретация) [Филатов 2016: 213]. Соответственно психоаналитический нарратив представляет собой историю об извлечении скрытых смыслов, сопоставимую с увлекательными рассказами о разгадке тайн египетских пирамид. Или, иначе: любое повествование в психоанализе – не только о психоаналитике и его анализанте, но также о тайном знании и тайном языке.

В фабуле психоаналитического случая переломным моментом (кульминацией) нередко становится чудесное и исцеляющее явление *скрытого от анализанта смысла* какого-либо события, высказывания, сновидения. В результате неожиданных и увлекательных превращений смысл обретают безобидные оговорки, он извлекается из словесного мусора и парапраксиса – даже автоматические ошибочные действия таят его в себе. Это волшебство вершится в языке, необязательно вербальном. Ухо психоаналитика извлекает подавленный и заглушенный крик анализанта из названия детского лакомства, и читатель психоаналитического кейса слышит, как мороженное кричит: английское «Ice-cream» (мороженое) звучит как «I scream» (Я кричу) (случай из практики Вильфреда Биона, [Бюн: 39]). Психоаналитик, работая с пациенткой-еврейкой, пострадавшей от Холокоста, смягчает травматический смысл пугающего ее слова поддерживающим жестом-прикосновением – заботливо касается ее щеки: немецкое «гестапо» звучит для французского слуха как *geste a peau*, «прикосновение к коже» (случай из практики Жака Лакана, [Вашингтон: 46]). Анализант чувствует, как что-то в нем, прежде невыразимое, услышано и признано в своем праве быть, а читающий эту драматическую историю смысловых метаморфоз очарован магией филологической игры, метафорического переноса, каламбура: облегчение или исце-

ление коррелирует с эстетическим удовольствием от последующего чтения.

Построение психоаналитического нарратива определяется соотношением в нем имплицитного и эксплицитного, тайного и явного. По своей структуре кейс подобен сновидению, в котором, согласно З. Фрейду, следует различать два вида содержания: манифестное (т. е. то, что видится во сне и рассказывается после пробуждения) и латентное (то, что скрыто за этим фасадом и еще предстоит извлечь методом психоаналитического истолкования). На это сходство указывал Дж. Хиллман, писавший, что фрейдовские «истории болезни... похожи на сновидения» [Хиллман: 11]. Аналогично в кейсе всегда совмещены эксплицитный план условно объективных клинических данных и имплицитный план ожидающих анализа скрытых значений и смыслов.

Повествование в кейсе, как правило, начинается с очевидных, фиксируемых поверхностным наблюдением вещей, таких как первое впечатление от анализанта, его социальное и семейное положение, анамнестические данные, картина болезни (внешний облик симптомов). В этой ткани эксплицитного эмпирического материала практически сразу же обнаруживаются пробелы и умолчания. Первый, сырой нарратив складывается из рассказа самого анализанта, который иногда дополняется сведениями, предоставляемыми его родственниками. Но этот рассказ всегда

характеризуется неполнотой, в нем кишат белые пятна и искажения, его предстоит кропотливо дополнять и переписывать. З. Фрейд в предварительных замечаниях к своей работе «Фрагмент анализа случая истерии» (знаменитый случай Доры, 1905) писал:

«Предлагать читателю гладко завершенную историю болезни, не знающую пробелов, значило бы с самого начала ставить его в совершенно другие условия, чем те, которые имел лечащий врач. ... Первый рассказ пациента можно сравнить с непроходимым для судов руслом, когда оно то загромождено горами скал, то разделено песчаными отмелями. Я лишь поражаюсь тому, что у некоторых авторов вышли из-под пера гладкие и полные истории болезней истериков. На самом же деле больные просто не способны давать о себе сведения такого свойства» [Фрейд 1998: 191].

Психоаналитик тщательно заполняет все эти пробелы, устраняет разрывы, выявляет скрытые, имплицитно присутствующие смысловые элементы и связи между ними (конструкции) и в итоге возвращает анализанту его подлинную или недостающую историю. Таким образом, психоаналитический кейс – это всегда результат переработки исходного, сырого нарратива, который складывается на основе первичной самопрезентации анализанта. Наиболее показательным примером преобразования «сырого» нарратива в законченный кейс служат фрейдов-

ские «Психоаналитические заметки об автобиографическом описании случая паранойи» (знаменитый случай Шребера [Шребер, Фрейд, Блейер: 24–82]). Эта работа написана на основе мемуаров душевнобольного судьи [Там же: 8–23], опубликованных в 1903 г. В ней Фрейд демонстрирует нам те усилия, которые необходимо приложить для того, чтобы автобиографический рассказ пациента – даже без его желания и участия – принял форму психоаналитического нарратива и в нем наряду с эксплицитным планом (паранойи) выявился имплицитный план (подавленной гомосексуальности).

Отправной пункт кейса – это всегда очевидная и ощутимая дефицитарность: нехватка сведений, пунктирный характер описания, зияние тут и там. В психоанализе *с этим дефицитом знания непосредственно связывается несвобода анализанта* (от симптомов, эмоциональных зависимостей, патогенных отношений, наконец, от непроявленного темного прошлого). Психоаналитический случай в его первичной и ставшей классической форме, восходящей к работам Фрейда, несет в себе скрытое *метанарративное послание*, предполагает отсылку к классическим новоевропейским «историям», легитимирующим знание. К таким «историям» (метанарративам) относятся миф о неразрывной связи знания / разума и власти / господства («знание – сила») и миф о человечестве как Субъекте Свободы, в свете которого духовная

эволюция есть поступательный и поэтапный процесс освобождения человека [Лиотар]. Остается открытым вопрос, насколько возможно сохранять верность этим мифам после работ М. Фуко и Ж. Лакана, после того как было констатировано всеобщее разочарование в метанарративах и провозглашена эпоха их делегитимации [Там же]. Так или иначе рассказанная когда-то Фрейдом в свете либеральных идей и идеалов Просвещения история многотрудного «освобождения» страдающей души от подавленных эмоций и нереализованных влечений, а разума – от амнезий, эффектов вытеснения и прочих защитных искажений реальности остается своеобразным нарративным образцом, обращаясь к которому современные психоаналитики учатся писать собственные клинические истории.

Итак, психоаналитический случай – это *двойной нарратив*, содержащий два соотноенных друг с другом рассказа (два в одном): сырой, или первичный, составленный со слов анализанта и его родственников, т. е. на основе предварительной самопрезентации обратившегося за помощью пациента; и переработанный, или вторичный, сложившийся в результате проведенного анализа и включающий динамику преобразующих психотерапевтических отношений. Кроме того, в тексте кейса соотносятся и переплетаются два типа нарративов: личностный (портретирование анализанта, развернутая характе-

ристика его личности) и событийный (почти детективная история разоблачения уловок бессознательного, порой мелодраматическое описание процесса психотерапии, его подъемов и спадов, трудностей и противоречий).

Повествование в кейсе носит прерывистый, временами пунктирный характер, что изоморфно исповеди анализанта, разрывы и пробелы в которой обусловлены сознательными утаиваниями, бессознательными сокрытиями и провалами памяти. Непрерывность, как постулировал родоначальник научной психологии У. Джемс, – неотъемлемое свойство потока сознания, и мы знаем, как эта концептуальная модель повлияла на нарративную практику модерна (романы Дж. Джойса, В. Вульф, М. Пруста и др.) и как она была переосмыслена и переформулирована применительно к художественному тексту в литературной критике. Но зафиксировать проявления бессознательного психического мы можем лишь по разрывам в этом потоке (так бодрствование прерывается сновидением, логически связанная речь – оговоркой, повседневная деятельность – ошибочным действием, а здоровое психическое функционирование – вторжением симптома). Исповедь анализанта сбивчива и клочковата, что отражает характер его болезни и определяющую эту болезнь бессознательную динамику: «...пробелы в воспоминаниях, относящихся к истории болезни, являются необходимым, теоретически тре-

буемым соответствием симптомам болезни» [Фрейд 1998: 194].

Текст психоаналитического случая нередко прерывается и по другим причинам, что наглядно видно в описании фрейдовского «случая Доры»: здесь необходимы дополнительные риторические приемы, поправки, уточнения, оговорки (т. е. пояснения), развернутые теоретические комментарии и апелляции к читательской аудитории, включающей как экспертное медицинское сообщество, так и широкий круг любителей такого рода беллетристики. Объясняется это необходимостью дополнительной, сопутствующей легитимации нарратива, ведь в такой юной науке о бессознательном все еще слишком много спорного, неочевидного, недоказанного. Нужно упредить возможные нападки и возражения, расположить к себе аудиторию, отвоевать право на нетрадиционный способ изложения. Порой возникает впечатление, будто Фрейд держит в фокусе анализа эмоции не только Доры, но и потенциального критика, когда, например, пишет:

«Так как приведенная частица истины может вызвать у врача-читателя кроме безверья, которое, конечно, в его полной власти, еще и неприятное, странное чувство и ужас, то я вынужден более подробно рассмотреть обе реакции» [Фрейд 1998: 227].

Еще одна отличительная особенность повествования в кейсе – *использование*

встроенных нарративов, в качестве которых выступают сновидения или фантазии анализанта. Этот композиционный прием, подобно «рассказу в рассказе» или «сну во сне», помогает акцентировать и поместить в отдельную смысловую рамку, как особо значимый, тот или иной аспект обсуждаемого случая или авторский аналитический тезис. Часто именно встроенный нарратив несет в себе некий недостающий, выпадающий смысловой элемент, который придает всей истории новую связность, привносит отсутствующую, на первый взгляд, структуру, помогает проявиться аналитической конструкции. Примером может служить символизирующее первосцену сновидение с волками из легендарного случая Сергея Панкеева: этот короткий рассказ в рассказе позволяет выявить ключевой для невроза анализанта мотив страха перед отцом [Человек-Волк и Зигмунд Фрейд].

Типичный и универсальный сюжет психоаналитических кейсов предполагает *путешествие в бессознательное* с целью восполнения неполноты сознания (знания себя). В этом путешествии анализант, подобно персонажу сказки братьев Гримм «о том, кто ходил страху учиться», начинает по-новому переживать те эмоции и страсти, которые когда-то оказались для него непосильны и непостижимы. Путь в бессознательное (К.Г. Юнг сравнивал его со спуском Фауста в Мир матерей) всегда лежит через прошлое. Персонаж психо-

аналитического нарратива первоначально самоопределяется не в настоящем, а в прошлом, изменяя к нему отношение, устраняя «белые пятна» и исследуя архаические слои своей психики. В связи с этим традиционно используются давно ставшие дежурными параллели с археологией и исторической наукой (микроисторией). Личность, как и народ, может понять себя только посредством осмысления своего прошлого. Это «регрессия ради прогресса», обращение к минувшему ради лучшего будущего.

Наряду с новым (эмпирически неуловимым и не фиксируемым) пониманием себя и своей жизненной истории, репрезентация анализанта в тексте кейса служит очевидным результатом психоаналитического процесса. Каким предстает анализант в качестве персонажа своего аналитика? Обозначим самые общие, типологические черты этой репрезентации.

На сцене психоаналитического дискурса анализант появляется подобно действующему лицу пьесы Луиджи Пиранделло «Шесть персонажей в поисках автора» [Пиранделло]: он «носит в себе тяжелую драму», которая еще не оформлена в сценическое действие и нарратив. Суть того, что анализант переживает (хотя далеко не всегда может вербализовать), лаконично и точно выражена в репликах этой остроумной пьесы: «Драма заключена в нас; мы сами – драма, и мы страдаем от нетерпения представить ее так, как

нам подсказывают бушующие в нас страсти!» [Там же: 449]; «...смысл всей этой драмы в том, что каждый из нас напрасно воображает себя “одним”, неизменно единым, цельным, в то время как в нас “сто”, “тысяча” и больше видимостей...» [Там же].

Собственно, анализант – это тот, кто заблудился в поисках аналитика, который предоставит сцену его переживаниям и придаст его разорванной, пунктирной, клочковатой жизненной истории форму последовательного и связного нарратива. Анализ начинается как драматическое действие, которое разыгрывается в кабинете аналитика, и, подходя к завершению, кристаллизуется в повествовательной форме аналитического случая (кейса), не важно, записанного и представленного профессиональному сообществу или только сложившегося «в голове» специалиста.

Условием создания такого нарратива служит не сосредоточенное уединение, как при написании дневников, автобиографий и мемуаров, но определенная диалогическая процедура, точнее практика строго организованного, регламентированного, регулярного и ритуализированного взаимодействия анализанта и психоаналитика.

В этой особой «нарративной зоне» неизбежно происходит *лишение анализанта субъектности* – ведь автором истории о нем выступает не он сам, а аналитик, который владеет особым, частично формализован-

ным, языком описания и при этом, подобно писателю, вырабатывает собственный индивидуальный стиль повествования. Сколько у анализанта аналитиков, столько у его личности различных текстовых репрезентаций или нарративных личностных конструкций, т. е. потенциально их бесконечно много. И если бессознательное, по Юнгу, – это царство, где эго оказывается «объектом всех субъектов» [Юнг: 102], то в царстве психоаналитического дискурса эго анализанта становится потенциальным персонажем всех авторов. Уже после того, как ваш анализ завершен, если его результаты отражены в опубликованном тексте в виде кейса, вы можете быть со временем переинтерпретированы и переписаны другим аналитиком, у которого окажется иной взгляд на вашу личность и жизненную историю.

Итак, анализант в тексте психоаналитического кейса не автор собственной истории, но персонаж выстроенного психоаналитиком повествования, и то, как сконструирована его история, определяется заданными структурами психоаналитического дискурса, законами жанра, личными предпочтениями конкретного специалиста и индивидуальными особенностями его стиля. Наряду с лишением субъектности, происходит *отчуждение анализанта* от собственной жизненной истории, сконструированной в тексте психоаналитика, ведь история эта предназначена не для своего главного персонажа (как некий

задокументированный итог его анализа), но для других психоаналитиков (т. е. для нужд супервизии или тренинга). Личная драма преобразована в рассказ-образец, по которому практике исцеляющего и преобразующего диалога будут учиться другие аналитики, чтобы помогать другим анализантам; или этот текст послужит наглядной иллюстрацией некоего принципа, метода, подхода.

Анализант в психоаналитическом кейсе становится предметом речи Другого (буквальное и методологически выверенное воплощение идеи Жака Лакана). В данном случае Желание Другого есть желание самопрезентации и профессионального самоутверждения психоаналитика. История и личность анализанта будут представлены в кейсе максимально выгодным для психоаналитика способом;¹ это аналитический материал, в котором автор имеет возможность подчеркнуть, акцентировать, высветить то, что ему выгодно или интересно, что соответствует его парадигме, иллюстрирует его подход или демонстрирует профессиональные достижения.

Подобно тому, как, согласно М. Фуко, клинический взгляд, объективируя болезнь, выносит за скобки личность больного [Фуко 2010a], взгляд аналитика, стремясь объек-

тивировать бессознательное и сам аналитический процесс, делает то же самое с анализантом, чему немало способствует правило анонимности: перед нами имярек, представляющий нам одну из своих видимостей в качестве наглядной иллюстрации. Как, по Фуко, отчужден больной [Фуко 2010б], так и анализант попадает внутри аналитического кейса в зону отчуждения: все значимое для него перерабатывается в материал анализа и повествования, а затем служит средством самопрезентации другого – его психоаналитика.

Вот как охарактеризовал положение анализанта в повествовательном пространстве кейса (применительно к случаю Доры) Дж. Хиллман:

«...действие рассказа – обнаружение патологии и процесс ее излечения – не имеет отношения к характеру героини. Возвышенная драма действия развивается независимо от конкретной личности... Несмотря на кажущуюся напряженность, действие анализа лежит за пределами сферы влияния героини. Эта история могла приключиться с любым человеком. Пациента и врача можно заменить другим пациентом и другим врачом в другом городе и в другое время, поскольку излагается суть психоанализа как научного метода. Данный

¹ Так, многое умалчивая и вуалируя, К.Г. Юнг представил научному сообществу случай своей первой психоаналитической пациентки – Сабины Шпильерн.

случай служит лишь иллюстрацией, и поэтому героиня не вправе, да и неспособна влиять на его развитие. Суть происходящего открывает не героиня, рассказ, или действие, а сюжет психодинамики. Герои – только эпизоды универсального сюжета и в качестве таковых имеют относительно второстепенное значение» [Хиллман: 11].

По мере развития нарративной практики психоанализа постепенно обнаруживается разомкнутость, потенциальная множественность и даже интермедальность психоаналитического повествования. Оно уже не уместается в рамках одного законченного текста, но множится в текстах разных авторов (не только аналитиков) и жанров. Конкретные кейсы становятся все более интертекстуальными и интермедальными, а текстовые репрезентации их персонажей претерпевают причудливые превращения, попадая в самые разнообразные контексты. Некоторые фигуры прославленных случаев, такие как Берта Паппенгейм, Сергей Панкеев и Сабина Шпильрейн, сами становятся знаменитостями, превращаются едва ли не в медиаперсон, их истории пересказывают на все лады, комментируют, инсценируют и ставят на театральных подмостках, экранизируют.

Показательна история Сабины Шпильрейн, пациентки и ученицы К.Г. Юнга, которой приписывают роман с ним и которая стала выдающимся, хотя и на время незаслуженно забытым, ученым-психоаналити-

ком [Филатов 2023]. Ее случай обрел новую жизнь спустя тридцать лет после ее смерти. Вернувшись из забвения, она сделалась героиней множества статей и монографий, романа [Reetz], пьес, игровых и документальных кинофильмов. Ее загадочный образ постепенно проступает, как будто складываясь из мозаичных фрагментов, нарративных осколков, часто спорных и противоречивых: в частности, из неумолкающих дискуссий о ее диагнозе (психоз, невроз или юношеский кризис), характере взаимоотношений с К.Г. Юнгом, З. Фрейдом и другими персонажами, значимости ее собственных научных достижений и т. д. Мы можем наблюдать, как перекликаются и спорят между собой эти текстовые репрезентации или «видимости», заложники различных нарративов, авторы которых акцентируют в угоду конъюнктуре один из множества аспектов ее биографии: девочка – жертва домашнего насилия, пациентка психиатрической клиники, талантливый врач и психоаналитик, возлюбленная и муза гения глубинной психологии, женщина-ученый, пробивающаяся в мире ученых-мужчин (феминистская трактовка), педолог в Советском Союзе в период разгрома и запрета психоанализа, жертва сталинских репрессий и Холокоста.

Множественностью и наложением этих «видимостей» объясняется то трудное положение, в котором оказалась актриса Кира Найтли, сыгравшая роль Сабины Шпиль-

рейн в фильме «Опасный метод»: сначала ей пришлось добросовестно изображать доставленную в клинику Бургхельцли психотическую пациентку (ведь в психиатрические клиники доставляют психотиков), затем играть невротичную анализантку Юнга (ведь психоанализ предназначен для невротиков) и стать его любовным наваждением (в духе голливудских love stories) и, наконец, появиться на экране в образе талантливой фразеологической доктор, чудесно свободной от оков своих симптомов. То, что эти репрезентации не просто противоречивы, но исключают друг друга, как будто не бросается в глаза, ведь того требует клочковатый, собранный из лоскутов нарратив. Случай Сабины Шпильрейн пишется до сих пор, постепенно превращаясь в роман-эпопею, состоящую из разнородных (клинических, любовных, научно-популярных) историй и комментариев к ним. Но счастливым образом к героине этого разношерстно-коллажного «романа» возвращается субъектность одаренной и проницательной рассказчицы, стоит лишь обратиться к ее блестящим статьям, недавно опубликованным в России дневникам и письмам [Лотан, Шпильрайн].

Фрейд раскрыл роль жизненной истории, конструирующей субъекта и реконструируемой в ходе аналитического взаимодействия, выявил определяющее влияние ее ложных очевидностей и «белых пятен» на всю психологическую судьбу того, кто выступает

одновременно ее автором и персонажем. В то же время он создал новый нарративный жанр, формой которого служит психоаналитический случай. Этот специфический нарратив стал основным средством передачи и легитимации эмпирического знания в психоанализе. Какая-то часть диалогического опыта психоаналитической терапии находит отражение в конкретных повествованиях, а какая-то «перемалывается в жерновах» обобщенной теории (метапсихологии). Формирование профессиональной идентичности психоаналитика требует не только понимания основ этой теории и выработки навыков аналитического мышления, но и освоения специальной повествовательной техники, владение которой может быть доведено до уровня искусства, писательского мастерства, примером чему служит научно-литературное наследие Фрейда.

В свою очередь, личность анализанта вместе с текстовой репрезентацией в психоаналитическом кейсе получает пропуск в нарративную «жизнь после смерти»: возможно, его история будет подвергаться переписыванию и переинтерпретации до тех пор, пока продолжает свое существование психоаналитическая практика, если, конечно, автор кейса окажется достаточно мастеровитым рассказчиком.

Нам не дано предугадать, на какие «реинкарнации» мы обрекаем себя, становясь персонажами наших аналитиков.

Литература

Анзье, Д. Самоанализ Фрейда / пер. В. Юшина. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2021.

Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Тракаты, статьи, эссе / под ред. Г.К. Косикова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 387–423.

Бион, В. Внимание и интерпретация / пер. О. Лежниной. СПб.: ВЕИП, 2010.

Брокмейер, И., Харре, Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.

Вашингтон, Н. «Говорящее бытие»: от Хайдеггера к Лакану // Философская антропология, 2020. Т. 6. № 1. С. 41–57.

Джерджен, К.Дж. Движение социально-го конструкционизма в современной психологии // Социальная психология. Само-рефлексия маргинальности / отв. ред. М.П. Гапочка. М.: ИНИОН, 1995. С. 51–73.

Йенсен, В., Фрейд, З., Юнг, К.Г., Бретон, А., Барт, Р., Деррида, Ж. Градива. М.: Salamandra P.V.V., 2012.

Качанов, Д.Г. Нарративный анализ как метод исследования традиционных и мультимедийных журналистских произведений // Медиаскоп, 2020. Выпуск 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/2621> (дата обращения: 15.07.23).

Котова, М.В. Стратегии поддержания социальной идентичности: значение для теории социальной идентичности и понимания межгрупповых отношений // Психология. Журнал высшей школы экономики, 2016. Т. 13. № 4. С. 691–711.

Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.

Лотан, Г.Ц., Шпильрайн, В. За кулисами психоанализа. Неизданные дневники и письма Сабины Шпильрейн, ученицы К. Юнга и З. Фрейда / под науч. ред. Ф.Р. Филатова. СПб.: Скифия, 2023.

Мак-Вильямс, Н. Формулирование аналитического случая / пер. К. Немировского. М.: Класс, 2015.

Пиранделло, Л. Шесть персонажей в поисках автора // Пиранделло Л. Избранные произведения / сост., авт. послесл. И. Володина. М.: «Панорама», 1994. С. 431–489.

Ранкур-Лаферьер, Д. Русская литература и психоанализ / пер. Ю. С. Евтушенкова, И. И. Шебукова, Е. В. Колосова. М.: Ладомир, 2004.

Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. М.: Академический Проект, 2008.

Троцук, И.В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник РУДН. Серия Социология. 2004. № 1 (6). С. 41–53.

Уайт, Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века // перевод с английского и под редакцией Е. Г. Трубиной и В. В. Харитоновой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.

Филатов, Ф.Р. Герменевтика психоаналитического процесса. Труд и искусство понимания // Теория и практика психоанализа. Юбилейный сборник научных трудов: Выпуск 2. М.: КРЕДО, 2016. С. 206–219.

Филатов, Ф.Р. Сабина Николаевна Шпильрейн: судьба, легенда, наследие // Лотан Г.Ц., Шпильрайн В. За кулисами психоанализа. Неизданные дневники и письма Сабины Шпильрейн, ученицы К. Юнга и З. Фрейда. Под научной редакцией Ф.Р. Филатова. СПб.: Скифия, 2023. С. 6–38.

Фрейд, З. Фрагмент анализа истерии (История болезни Доры) // Фрейд, З. Интерес к психоанализу. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 177–336.

Фрейд, З. Знаменитые случаи из практики / пер. В.И. Николаева, А.М. Боковикова. М.: Когито-Центр, 2007.

Фуко, М. (2010а) Психическая болезнь и личность / пер. с фр., предисл. и коммент. О.А. Власовой. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия».

Фуко, М. (2010б) Рождение клиники / пер. с фр. А.Ш. Тхостова. М.: Академический Проект.

Хиллман, Дж. Исцеляющий вымысел / пер. В. Зеленского. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2020.

Человек-Волк и Зигмунд Фрейд. Сборник / пер. под общей редакцией А.А. Юдина. Киев: Port-Royal, 1996.

Шейгал, Е.И. Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. Выпуск (2) 22. Екатеринбург, 2007. С. 86–93.

Шребер, Д.П., Фрейд З., Блейлер, Э. Паранойя. Краткая история неврозов. М.: Родина, 2022.

Юнг, К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Юнг, К.Г. Архетип и Символ / пер. В. Зеленского. М.: Ренессанс, 1991. С. 95–129.

Яковлев, В.Ю. Эпистемологический статус нарратива в научном познании // Аспирантский вестник Поволжья. 2021. № 3–4. С. 31–38. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.31-38>

Fisher, W.R. (1985). The narrative paradigm: an elaboration. *Communication Monographs*, 52(4), 347–367. DOI: 10.1080/03637758509376117

Franzosi, R. (1998). Narrative analysis – or why (and how) sociologists should be interested in narrative. *Annual Review of Sociology*, 24, 517–554.

Frie, R. (2016). Psychoanalysis, narrative, and hermeneutics: an integrative account. *Storyworlds: A Journal of Narrative Studies*, 8(1), 119–136.

Huisman, R., Murphet, J., & Dunn, A. (2005). *Narrative and media*. Cambridge: Cambridge University Press.

Reetz, B. (2006). *Die russische Patientin*. Frankfurt / Leipzig: Insel Verlag.

References

- Anzieu, D. (2021). *L'auto-analyse de Freud* [Freud's self-analysis] (V. Yushin, Trans.). Moscow: Institute of Humanities Studies.
- Barthes, R. (1987). An introduction to structural analysis of narrative texts. In G.K. Kosikov (Ed.), *Zarubezhnaja estetika i teorija literatury XIX–XX vv. Traktaty, stat'i, esse* [Foreign aesthetics and theory of literature of the 19th–20th centuries. Treatises, articles, essays]. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 387–423.
- Bion, W. (2010). *Attention and interpretation* (O. Lezhnina, Trans.). Saint Petersburg: VEIP.
- Brokmeier I., & Harre R. (2000). Narrative: problems and promises of an alternative paradigm. *Voprosy Filosofii* [Problems of Philosophy], 3, 29–42.
- Filatov, Ph.R. (2016) *Germenevtika psihoanaliticheskogo processa. Trud i iskusstvo ponimaniya* [Hermeneutics of the psychoanalytic process. Labor and the art of understanding]. *Teorija i Praktika Psihoanaliza* [Theory and Practice of Psychoanalysis], 2, 206–219.
- Filatov, Ph.R. (2023). Sabina Nikolaevna Shpil'rejn: sud'ba, legenda, nasledie. [Sabina Nikolaevna Spielrein: fate, legend, heritage]. In G.C. Lotan, & V. Shpil'rajn, *Za kulisami psihoanaliza. Neizdannye dnevniki i pis'ma Sabiny Shpil'rejn, uchenicy K. Junga i Z. Frejda* [Behind the scenes of psychoanalysis. Unpublished diaries and letters of Sabina Spielrein, a student of C. Jung and S. Freud]. Saint Petersburg: Skifija, 6–38.
- Fisher, W.R. (1985). The narrative paradigm: an elaboration. *Communication Monographs*, 52(4), 347–367. DOI: 10.1080/03637758509376117
- Foucault, M. (2010a). *Maladie mentale et personnalité* [Mental illness and personality] (O.A. Vlasova, Trans.). Saint Petersburg: IC Gumanitarnaja Akademija.
- Foucault, M. (2010b). *Naissance de la clinique* [The birth of the clinic] (A. Sh. Tkhostov, Trans.). Moscow: Akademicheskij Proekt.
- Franzosi, R. (1998). Narrative analysis – or why (and how) sociologists should be interested in narrative. *Annual Review of Sociology*, 24, 517–554.
- Freud, S. (1998). Bruchstück einer Hysterie-Analyse (Dora) [Fragment of an analysis of a case of hysteria (Dora's Case)]. In S. Freud, *Interes k psihoanalizu* [Interest in psychoanalysis]. Rostov-on-Don: Feniks, 177–336.
- Freud, S. (2007). *Znamenitye sluchai iz praktiki* [Famous clinical cases] (V.I. Nikolayev, & A.M. Bokovikov, Trans.). Moscow: Kogito-Centr.
- Frie, R. (2016). Psychoanalysis, narrative, and hermeneutics: an integrative account. *Storyworlds: A Journal of Narrative Studies*, 8(1), 119–136.
- Gergen, K.J. (1995). Dvizhenie social'nogo konstrukcionizma v sovremennoj psihologii [The social constructionist movement in modern psychology] In M.P. Gapochka (Ed.), *Social'naja psihologija. Samorefleksija marginal'nosti* [Social psychology. Self-reflection of marginality]. Moscow: INION, 51–73.

Hillman, J. (2020). *Healingfiction* (V. Zelensky, Trans.). Moscow: Institute of Humanities Research.

Huisman, R., Murphet, J., & Dunn, A. (2005). *Narrative and media*. Cambridge: Cambridge University Press.

Jakovlev, V.Ju. (2021). Jepistemologicheskij status narrativa v nauchnom poznanii [Epistemological status of narrative in scientific knowledge]. *Aspirantskij Vestnik Povolzh'ja* [Postgraduate Bulletin of the Volga Region], 3–4, 31–38.

Jensen W., Freud, S., Jung, C.G., Breton, A., Barthes, R., & Derrida, J. (2012). *Gradiva*. Moscow: Salamandra P.V.V. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.31-38>

Jung, C.G. (1991). Ob arhetipah kollektivnogo bessoznatel'nogo [On the archetypes of the collective unconscious]. In C.G. Jung, *Arhetip i Simvol* [Archetype and symbol] (V. Zelensky, Trans.). Moscow: Renessans, 95–129.

Kachanov, D.G. (2020). Narrativnyj analiz kak metod issledovanija tradicionnyh i mul'timedijnyh zhurnalistskih proizvedenij [Narrative analysis as a method for studying traditional and multimedia journalistic works]. *Mediascope*, 2. Retrieved from: URL: <http://www.mediascope.ru/2621> (date of access: 15.04.22).

Kotova, M.V. (2016). Strategii podderzhaniya social'noj identichnosti: znachenie dlja teorii social'noj identichnosti i ponimaniya mezhgruppovyh otnoshenij [Strategies for maintaining social identity: Implications for

social identity theory and understanding intergroup relations.]. *Psihologija. Zhurnal Vysshej Shkoly Jekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 13 (4), 691–711.

Lotan, G.C., & Spielrein, V. (2023). *Za kulisami psihoanaliza. Neizdannye dnevniki i pis'ma Sabiny Shpil'rejn, uchenicy K. Junga i Z. Frejda* [Behind the scenes of psychoanalysis. Unpublished diaries and letters of Sabina Spielrein, a student of C. Jung and S. Freud]. Saint Petersburg: Skifija.

Lyotard, J.-F. (1998). *La Condition Postmoderne* [The postmodern condition]. Moscow: Institut jeksperimental'noj sociologii; Saint Petersburg, Aletejja.

McWilliams, N. (2015). *Psychoanalytic case formulation* (K. Nemyrovsky, Trans.). Moscow: Klass.

Pirandello, L. (1994). Sei personaggi in cerca d'autore [Six characters in search of an author]. In L. Pirandello, *Izbrannye proizvedenija* [Selected works]. Moscow: Panorama, 431–489.

Rancour-Laferriere, D. (2004). *Russkaja literatura i psihoanaliz* [Russian literature and psychoanalysis] (Yu. S. Yevtushenkova, I. I. Shebukova, & Ye. V. Kolosova, Trans.). Moscow: Ladomir.

Reetz, B. (2006). *Die russische Patientin* [The Russian patient]. Frankfurt / Leipzig: Insel Verlag.

Ricoeur, P. (2008). *Le Conflit des interprétations. Essais d'herméneutique* [Conflict

of interpretations. Essays on Hermeneutics] (I.S. Vdovina, Trans.). Moscow: Akademicheskij Proekt.

Shejgal, E.I. (2007). Mnogolikij narrative [Many faces of narrative]. *Politicheskaja Lingvistika* [Political Linguistics], 2(22), 86–93.

Shreber, D.P., Freud, S., & Bleuler, E. (2022). *Paranojja. Kratkaja istorija nevrozov* [Paranoia. A brief history of neuroses]. Moscow: Rodina, 2022.

Trocuk, I.V. (2004). Narrativ kak mezhdisciplinarnyj metodologicheskij konstrukt v sovremennyh social'nyh naukah [Narrative as an interdisciplinary methodological construct

in modern social sciences]. *Vestnik RUDN, Sociologija* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. Sociology], 1 (6), 41–53.

Washington, N. (2020). «Govorjashhee bytie»: ot Hajdeggera k Lakanu [“Speaking Being”: from Heidegger to Lacan]. *Filosofskaja Antropologija* [Philosophical Anthropology], 6 (1), 41–57.

White, H. (2002). *Metahistory: The historical imagination in nineteenth-century Europe* (Ye.G. Trubina, V.V. Kharitonova, Trans.). Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta.

Yudin, A.A. (1996). *Chelovek-Volk i Sigmund Freud* [The Wolf-Man and Sigmund Freud]. Kiev: Port-Royal.

Для цитирования: Филатов, Ф.Р. Психоаналитический случай как нарратив и текстовая репрезентация пациента // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2023. Т. 8. № 3. С. 137–159. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-3-137-159

For citation: Filatov, Ph.R. (2023). Psychoanalytic case as a narrative and textual representation of the patient // *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 8 (3), 137–159. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-3-137-159

PSYCHOANALYTIC CASE AS A NARRATIVE AND TEXTUAL REPRESENTATION OF THE PATIENT

Philip R. Filatov, PhD in Psychologie, Associate Professor, Don Technical University (Rostov-on-Don, Russia); e-mail: filatov_filipp@mail.ru

Abstract. In the article a special type (form) of clinical history – a psychoanalytic case is considered as a narrative genre that has developed in the discursive practice of psychoanalysis at the intersection of medicine and literature under the influence of S. Freud's classical works. According to the narrative approach, author of the article discusses, how the narration is constructed within the framework of psychoanalytic cases; the functions of case-narratives are clarified. It is noted, that in practice these forms of narration serve as models for understanding and structuring the experience of dialogic in-teraction between the analyst and his patient (analysand). At the same time, a case narrative is a means of professional self-identification, self-presentation and positioning of a practicing specialist in his collegial environment, a way to maintain and strengthen a sense of belonging to the psychoanalytic community. Apart from this, a psychoanalytic theory also has a narrative basis, which is extremely heterogeneous. Behind any theoretical construct of classical psychoanalysis there are one key (basic) narrative and series of additional ones. These are not only clinical stories, but also myths, literary works, psychobiographies of outstanding personalities. In content, a psychoanalytic case is always an epistemological narrative, a story about self-knowledge and knowledge of each other; structurally, it is a double narrative that unites two stories correlated with each other: "raw" or primary, compiled from the words of the analysand and his / her relatives, and processed or secondary, formed as a result of the analysis and including the dynamics of the transformative psychotherapeutic relationships. It is also stressed, that a distinctive feature of the narration in the case is the use of embedded narratives, in particular, analysand's dreams or fantasies. Two questions are discussed: what happens when analysand becomes the personage of his psychoanalyst, and how we can characterize the representation of patient's personality in the text of a psychoanalytic case.

Key words: psychoanalysis, narratology, narrative, psychoanalytic case, analyst, analysand, textual representation of the patient (analysand), S. Freud

